

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ (ДО 1917 г.)

Р.С. Хакимов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
history@tataroved.ru*

В статье рассматривается процесс трансформации татарского народа в современную нацию. Анализ развития государственности татар происходил поэтапно, начиная со скифской культуры и заканчивая периодом Российской империи. Автор рассматривает два пути образования наций – европейский, «вертикальный» и «номадический», «горизонтальный». Показывается, что становление татарской нации происходило в русле развития «номадической» цивилизации. На основе результатов генетических, археологических и лингвистических исследований прослеживается общее и особенное в становлении этнических границ и в развитии татарской культуры.

Ключевые слова: история, татары, тюркский мир, нациеобразование.

Для цитирования: Хакимов Р.С. Этапы развития государственности и формирование татарской нации (до 1917 г.) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 1. С. 46–64. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.46-64

Нация складывается вместе с появлением капиталистических отношений, но в основе имеет сложившийся средневековый народ, а тот, в свою очередь, опирается на этнос, уходящий своими корнями в глубь веков.

Для понимания происхождения татар важно отметить, что продвижение гуннов, тюрок, татар с востока на запад шел не на пустые земли, они уже были освоены близкородственными народами. В предисловии к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н.Я. Бичурин пишет: «Из сих известий, несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2 000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» [1, с.10]. Иначе говоря, когда «восточные» татары вместе с Бату появились в Поволжье и Причерноморье, они там нашли своих предков в лице булгар – западных

гуннов. Общую основу на обширном пространстве Великой Степи заложили скифы.

В узком смысле скифами называют кочевников степей Причерноморья, в широком – все племена кочевых скотоводов, которые в первом тысячелетии до н.э. широко распространились по евразийской степи.

Русский историк Андрей Лызлов в книге «Скифская история» (1692 г.) границы Скифии определяет от Дона на восток: «Границы же скифийския з запада от реки Дону [а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быти]. На восток солнца до пределов хийских, иже со Индиєю. С полудня от моря Меотскаго, то есть Азовскаго, и Каспийскаго, то есть Хвалисскаго. На полночь даже до океана скифийскаго Ледоватаго» [2, л. 1]. По разным историческим и археологическим данным получается, что скифы проживали между Средней Азией и Казахстаном, Северной Монголией, Тувой и Алтаем вместе с родственными по языку и культуре племенами массагетов, саков, «пазырыкцев» Алтая.

Общность скифской культуры прослеживается от Сибири до Причерноморья, что подтверждается ДНК-анализом. Генетики пришли к выводу, «что группы кочевников железного века из Южного Урала и Казахстана, по культурным особенностям сходные с классической культурой скифов Северного Причерноморья, располагаются недалеко друг от друга, то есть связаны между собой и генетическим сходством. Ближе всего к ним находятся популяции позднего бронзового века и железного века из России, позднего неолита и бронзового века из Центральной Европы, популяции энеолита из Самары, популяции ямной и срубной культур бронзового века»¹. Однако ученые из 16 стран под руководством Эске Виллерслева (Eske Willerslev) из Копенгагенского университета, не опровергая в целом вышесказанные слова, не увидели общность скифов и популяции ямной культуры. Обобщая результаты разных ученых, Екатерина Русакова пишет: «Биологи, археологи и антропологи построили “генетическую карту” кочевников, населявших евразийские степи в древности и в средние века. В двух статьях, опубликованных в *Nature* и *Science Advances*, ученые описали генетические связи между степными народами, а также пути распространения по Евразии некоторых заболеваний. В частности, выяснилось, что этнически неоднородные скифы в начале нашей эры смешались с выходцами из Восточной Азии хунну. Позднее, пришедшие с востока гунны принесли с собой бактерию *Yersinia Pestis*, которая дала начало пандемии чумы, вспыхнувшей в V в. Также ученые выяснили, что люди ямной культуры не имели отношения ни к центральноазиатским степнякам, одомаш-

¹ Статья опубликована в журнале «Nature Communication», авторы: Иоахим Бургер из Института эволюционной биологии Университета Майнца, Германия и Вячеслав Молодин из Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск [3].

нившим лошадей, ни к миграции в Южную Азию, в результате которой в Индии стали известны индоиранские языки» [4]. Существенно зафиксировать факт принадлежности скифов к тюркоязычным народам и их связь с гуннами.

Расцвет Скифии приходится на время правления Атея. Усиление скифов насторожило македонских правителей, и «в 339 г. до н.э. Филипп II Македонский совершил вторжение в Скифию. У реки Истр (совр. Дунай) произошло сражение, в котором погиб сам Атей, и скифам пришлось покинуть Добруджу» [5, с.10]. Источники сообщают о беспокойной обстановке в Скифии и в последующие десятилетия.

Появление новых кочевников привело к сокращению территории Скифии. «На протяжении II в. до н.э. сарматы вытеснили скифов из степей между Доном и Днепром, ограничив тем самым район их обитания бассейнами нижнего Днепра и Буга и степным Крымом. С этого времени начался новый и последний этап истории Скифии, которая с первых веков нашей эры стала именоваться Малой Скифией» [5, с.11]. Крым стал центром Скифского государства, где находилась резиденция царя скифов Скилура и сына его Палака. Письменные источники сообщают о скифских крепостях в Крыму – это Неаполь (совр. Симферополь), Палакий и Хаб, упоминают о войнах скифов с Херсонесом, о сарматах, выступавшими то как союзники Херсонеса, то как союзники скифов.

О языке скифов можно судить только по именам их правителей: Таргитай, Липоксай, Арпоксай, Колаксай и т.д., которые звучат явно по-тюркски. Других примеров не сохранилось. По мнению Заура Гасанова «племя “царские скифы”, а также племя, которое Геродот называет “сыны слепцов”, относятся к алтайской языковой семье» [6, с.66]. Он не одинок в своем утверждении. Действительно, на такой обширной территории под обобщающим названием «скифы» могли жить разноязыкие племена.

Возможность существования тюркоязычных скифов подтверждается выводами генетиков. И.Л. Рожанский пишет: «Возникновение кыпчакской ветви тюркских языков может быть связано с тюркизацией одной их групп скифских по происхождению племен, как можно судить по преобладанию ветвей одного и того же субклада R1a-Z2125 среди всех без исключения народов этой группы» [7, с. 1731]. Рассматривая происхождение скифов от арийских племен, А.А. Клёсов, как специалист по ДНК-генеалогии, делает вывод: «Но была еще одна ветвь ариев, которые прошли за Урал до Алтая, и стали там скифами, если придерживаться общепринятой классификации. Они основали там археологические “культуры скифского круга”, и после жизни там, фактически в изоляции от своего древнего ИЕ [индоевропейского] языка, в течение как минимум тысячи лет, и живя в окружении носителей тюркского языка, многие перешли на тюркский язык» [8]. Итак, скифы говорили, как на протоиранском, так и на тюркском языке.

Обратимся к зарубежным генетикам более независимым от внутри-российских дискуссий. Весьма солидный журнал «Nature» опубликовал

данные, по которым оказывается, что «современные популяции с наибольшей вероятностью существования непосредственно произошли от восточных скифских групп почти исключительно тюркского языка... Особо высокая статистическая поддержка была задокументирована для некоторых тюркоязычных групп, географически расположенных вблизи археологических памятников восточных скифов (например, теленгитов, трубчатых, тофаларов), но и среди тюркоговорящего населения Центральной Азии (например, киргизы, казахи и каракалпаки)... Эти же результаты были получены для некоторых тюркских групп, живущих западнее, например, для казанских татар»². Итак, гипотеза ученых о существовании тюркоязычных скифов сегодня подтверждается генетиками.

Важно отметить, что археологи в Поволжье находят материал, связанный со скифами. Д. Раевский пишет: «В ряде ананьинских могильников, расположенных по течению Волги между впадением в нее Камы и Ветлуги, часто попадаются скифские предметы VII–VI вв. до н.э. в сочетании со специфическими вещами центрально-кавказского и даже урартского происхождения. Точно такое же сочетание скифских и кавказских вещей мы находим в синхронных названным ананьинским памятникам могильниках Центрального Кавказа, и это позволяет реконструировать переселение какой-то группы воинов с Кавказа на Среднюю Волгу примерно тогда же, когда происходило расселение по разным регионам Восточной Европы возвращавшихся через Кавказ из Передней Азии скифов. Тогда скифские и кавказские вещи, найденные в ананьинских могильниках, можно рассматривать как археологические следы тех самых “других скифов”, которые, по свидетельству Геродота, отделились от основного массива своих соплеменников и продвинулись далеко на северо-восток Европы» [9, с.92]. Благодаря новым археологическим и генетическим исследованиям расширяются возможности исследования скифской темы, которая несомненно оставила глубокий след в тюркской истории. От скифов происходят хунну/гунны.

В китайских источниках о языке северных хунну говорится, что он был такой, как у гаоцзюй, то есть тюркский. «Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань, – пишет С.Г. Кляшторный, – является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков “северных” гуннов, с языком гаоюйцев, т.е. с языком древних тюркских племен. Таким образом, вполне осведомленный письменный источник, информация которого почерпнута из отчетов о личном общении китайских чиновников династии Северная Вэй с юэбаньскими послами, впервые фиксирует совершенно определенную, а именно тюркскую языковую принадлежность населения одного из древних государств, существовавшего на территории Казахстана и Джунгарии во II–V вв. Можно с уверенностью утверждать, что с этого вре-

² URL: <https://images.nature.com/original/nature-assets/ncomms/2017/170303/ncomms14615/extref/ncomms14615-s1.pdf>. С. 69 (дата обращения: 18.02.2019).

мени на огромном пространстве казахстанских степей вместе с племенами “северных” гуннов появляется население, говорившее на древнем языке (языках?) тюркской языковой семьи» [10, с. 140]. Телесские племена были наследниками хунну. Уйгуры также названы племенем хуннского происхождения [11, с.149–150]. Все они тюркоязычные народы.

Татары происходят от хунну/сюнну. Согласно южнокитайской историографической традиции жуаньжуани были «отдельной ветвью сюнну» и их «другим названием» был этноним датань (таньтань). «Ещё интереснее сообщение обеих историй Южных династий о “другом имени” жуаньжуаней, – пишет С.Г. Кляшторный. – Оно явно связано с личным именем “победоносного кагана” Датаня, племянника фактического основателя империи Шэлуня. Датань восстановил единство империи после кровавой междоусобицы, последовавшей после смерти Шэлуня, и серьёзно угрожал государству Тоба Вэй в двадцатые годы V в. Здесь стоит вновь процитировать китайское наблюдение о родовых (племенных) названиях у дунху, потомками которых были жуаньжуани – “в качестве (родовых) фамилий используют имя сильного старейшины”. Вот таким именем-эпонимом для жуаньжуаней или их части и стало имя Датаня, не связанное с появившимся ранее названием государства. Реконструкцию произношения этого имени в середине I тыс. н.э. осуществил, по моей просьбе, С.Е. Яхонтов, – продолжает С.Г. Кляшторный. – И оказалось, что здесь мы впервые фиксируем этноним, ставший хорошо известным через два столетия после описываемых событий, ибо иероглифическое написание датань произносилось в V в. н.э. как **dadar* / **tatar*. Согласно тюркским памятникам 732–735 гг. послы от *otuz tatar* «тридцати (племён) татар» пришли в 552 г. почтить память почившего годом ранее тюркского Бумын-кагана, победителя жуаньжуаней и нового владыки тех их племён, которые покорились Тюркскому элю. “Тридцать (племён) татар” – та самая группа племён, входивших ранее в государство жуаньжуаней, которая сплотилась в 20-е гг. V в. вокруг аня / Татара; эта группа племён обеспечила его победу в междоусобице, победу над другими претендентами, которых поддерживали другие племенные группировки жуаньжуаней. И, в отличие от этих других группировок, “тридцать племён” носили имя своего вождя, имя, закрепившееся как самоназвание, подобно тому, как много веков спустя стали этнонимами имена Ногая и Узбека» [11, с.57]. Итак, этнополитоним татар (датань) превратился в этнонимическое название крупной группы жуаньжуаньских племен. «Иероглифы жоужань в своём звучании для середины I тыс. н.э. должны быть переданы, с некоторыми вариантами, транскрипцией **pōnōg*, – утверждает С.Г. Кляшторный. Этот термин обозначил в IV в. некую группу степной вольницы, возглавленную оторвавшимся от своего роду-племени вождём» [11, с.57]. Древний смысл слова *pōkōg* означал нукер в нынешнем понимании, т.е. воина, который добровольно служит военному предводителю, а не роду. Нёкёр также являлся членом дружины, возглавленной вождем, этот же термин обозначал и дружину, ок-

ружавшую вождя. Племенные объединения авар (ухуаней), сяньби и татар, поглотившие, но не ассимилировавшие многочисленные хунну и гаоцзюй стали основой степной империи Нёкёр (Жоужань). Во главе государства стоял династийный род, принявший в конце IV в. имя Нёкёр. В китайских исторических сочинениях это имя стало названием государства. И так, первое государство татар по письменным источникам появилось в конце IV в.

Хунну/сюнну по мере продвижения на запад втягивали в свою орбиту другие племена и в литературе их стали называть гуннами. Л.Н. Гумилев рассматривал европейских гуннов как смешение двух племен – хунну и угров, замечая, что «приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов (хунну) и дал им возможность вновь собраться с силами. Именно с угорских территорий начали гунны свой новый поход на запад, ...оба народа смешались и слились в один новый народ – гуннов» [12, с.242]. Нашествие гуннов в IV в. в Восточную Европу положило начало «Великому переселению народов». В гуннский союз входили разные племена, в частности булгары.

В советское время доминировала доктрина болгарского происхождения татар, имеющая своих сторонников и по сей день. Это сугубо политическая теория, и не случайно она появилась после Постановления ЦК ВКП(б) 1944 г., запретившего изучение Золотой Орды и татарских ханств. «Булгаризм» как идеология отрывает татар от древних корней, сводя происхождение народа только к булгарам, причем в границах Среднего Поволжья. Эта концепция не подтверждается современными историческими данными. На самом деле, как булгары, так и собственно татары, имеют один корень – хунну/сюнну. Их Родиной была вся Великая Степь от Сибири до Причерноморья.

В формировании татарского народа можно проследить ряд существенных этапов: Тюркский каганат, Волжско-Камская Булгария, Золотая Орда, татарские ханства, Российская империя, Татарстан. На каждом из этапов складывались элементы культуры, сохранившиеся как инварианты до сегодняшнего дня, независимо от того осознается эта старина или нет.

Поиск исторических истоков любого этноса заводит столь далеко в глубину веков, что может потеряться суть явления, которое мы изучаем. Поэтому важно увидеть некие культурные инварианты, сохраняющиеся из века в век. Любая трансформация этноса ведет к качественным скачкам, которые вносят не только дополнительные элементы, но могут в корне менять структуру организма, нормы поведения, социальные ориентиры. Очевидно, что появление государственности, принятие новой религии, изменение экономических отношений ведет к столь резким изменениям, что может меняться даже самоназвание этноса. Значит, привязка к этнониму нам не дает решение проблемы, ибо кроме самоназвания нам важна суть явления, дискурсы, сохраняющиеся как устойчивые нормы поведения.

Обращаясь к источникам, документам, артефактам, летописям и легендам, мы сталкиваемся с лингвистическими нагромождениями, с аберрацией понятий, в которых порой кроме одинакового звучания ничего не сохраняется. Понятия «народ», «нация», «язык», «культура», «идентичность», «национализм», «суверенитет», и т.д. со временем претерпевают значительные смысловые изменения, более того они несут различный смысл для различных народов. Например, понятие «национализм» в татарском, как и в европейских языках, не несет негативного оттенка. По смыслу оно означает любовь к своему народу. В русском же языке национализм звучит как приговор, осуждение. Причем, нет другого понятия, отражающего положительное отношение к национальному. В таком случае иногда используют понятие «патриотизм», но, к сожалению, в нем есть один не всегда приемлемый аспект – патриотизм нуждается во внешних врагах. В отсутствии врага, патриотизм затухает или начинает искать врага внутри страны в качестве сепаратизма, пантюркизма, панисламизма и т.д.

Некоторые термины на русском языке плохо приспособлены к научным исследованиям в силу политизированности и расходятся в содержательном плане с западными аналогами. Приводить их в соответствии с европейскими традициями практически невозможно из-за устойчивой практики их применения, к тому же в российском пространстве этнические процессы часто идут в ином ключе и требуют своих подходов, учитывающих исторические традиции как становления российского государства, так и отдельных народов.

Понятия, как и артефакты, документы, письменные и устные свидетельства нуждаются в интерпретации. В то же время понятия, содержащиеся в средневековых источниках, помогают нам лучше понять образ жизни предков татар. На первый взгляд кажется, что гунны, древние тюрки, кипчаки, татаро-монголы вели кочевой образ жизни и занимались исключительно скотоводством. Однако, если взглянуть на корневое ядро тюркского языка (отвлекаясь от диалектов и наречий), то станет ясно, что тюрки изначально были земледельцами, ремесленниками и торговцами [13, с.34–41]. Все знают сабантуй, который у татар отмечается с незапамятных времен. Этот праздник очень древний, доисламский. *Сабан* означает плуг, он существует в древнетюркском языке в форме *сапан* от слова *сапмак* – «рвать». Такие слова как *будай* (пшеница), *арна* (ячмень), *тары* (просо) являются чисто тюркского происхождения и присутствуют во всех тюркских наречиях. Значит, предки тюрков были земледельцами. Слово *арык* является исконно тюркским. Значит, у тюрков с древнейших времен было поливное земледелие. *Ат* (лошадь), *сыер* (корова), *угыз* или *буга* (бык) также чисто тюркского происхождения. Такие слова, как *алтын* (золото), *кемеш* (серебро), *бакыр* (медь), *тимер* (железо) общие для всех тюрко-татарских наречий, иначе говоря, тюрки с древнейших времен еще в период формирования самого языка использовали металл и были ремесленниками.

Во времена формирования тюрки, вероятнее всего, сочетали кочевой образ жизни с оседлым земледелием, позднее часть племен стали кочевыми. «Кочевничество, – писал Лев Гумилев, – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тысячелетий. Возникло оно как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке и точно по тем же причинам на наших глазах исчезает» [14, с.512]. При переходе к кочевому или полукочевому образу жизни язык племен сохранил память о предыдущей форме жизни. В языках тюркских народов дом означал постоянное место проживания. «Шатер – это временное жилище, которое кочевые тюрки сооружали в местах своих летних кочевков. Дом – это постоянное жилище оседлых тюрков. Здания же, расположенные вокруг дома, древние тюрки обозначали словом «bark» [13, с.37]. Слово барак в русском языке сохранилось до сегодняшнего дня.

Высшие нравственные ценности также исконно тюркские, хотя после принятия ислама в язык вошло много арабизмов и исламские нормы стали доминирующими. Иначе говоря, тюрки как развитый народ сложились в древнейший период. Как писал Садри Максуди, «общее богатство тюркского языка говорит о том, что тюрки уже в доисторический период достигли довольно высокого уровня развития культуры. С точки зрения богатства смысловых корней, тюркский язык – один из самых богатейших языков мира» [13, с.40].

Золотая Орда во многих отношениях стала переломной в становлении татар, поскольку начинает доминировать земледелие и торговля. Предшествующие периоды можно трактовать с некоторыми оговорками кочевым периодом. Оговорки касаются металлургии, которая не только была важной для могущества тюркских народов, но и была привязана к местам добычи руды. Затем металл мог обрабатываться где угодно, но добывался он в конкретном месте. Как известно, тюрков считали на Алтае лидерами по производству металла. Н. Бичурин приводит следующие выдержки из китайских хроник: «Ашина с 500 семейств бежал к жужаньцам, и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев» [1, с.220]. В начале VI в. тюрки были известны как кузнецы, платившие дань жужаньцам железными изделиями.

Золотая Орда, с одной стороны, вершина кочевой культуры, с другой – земледелие занимало существенную долю в экономике, причем экспорт зерна был приоритетной статьей торговли с Европой, где в то время наблюдался голод. Градостроительство в Золотой Орде приобрело грандиозные масштабы, а торговля не только с Азией, но и с Европой стала важнейшим источником процветания экономики. Несмотря на значительные различия в экономической и политической структуре Золотой Орды по сравнению с более ранними тюркскими государствами, номадическая культура и ментальность сохранялись. В определенной степени сохранению кочевых традиций способствовало и громадное пространство, управлять которым в условиях различных ландшафтных и климатических зон, с

многообразием культур, хозяйств, традиций сотен народов, населявших страну, европейскими методами было невозможно.

В обобщенной форме можно говорить о двух моделях построения империй: «римской» и «евразийской» [15], что существенно влияло на этнические процессы. «Римский путь» опирался на однородность, которая, в свою очередь, основывалась на гомогенности имперской цивилизации. Статус римлян, который мог предоставляться и лицам неримского происхождения, олицетворял высшую степень культурного развития, и это объясняло «особенность» миссии империи. Фраза «Civis Romanus sum» («Я есть римский гражданин») была причиной высокой самооценки и вершиной устремлений многих людей. Такое положение легитимировало правление римлян и способствовало ассимиляции. Одновременно все, кто был за пределами империи, позиционировались как варвары и рабы. Этот путь использовали европейские государства.

«Евразийский путь» брал в основу разнородность, он не только признавал равенство религий, культур, традиций, но терпимо относился к религиозным предпочтениям внутри одной культуры. Например, у Бату-хана дети и родственники придерживались различных религиозных убеждений. Не только в Золотой Орде, но и Османской империи веротерпимость оставалась краеугольным камнем государственного устройства.

Несколько иначе вела себя Российская империя, она называла себя защитником православного мира, Москва была третьим Римом, законодательство закрепляло приоритет православия: «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания» [16, с.54]. В то же время были оговорены права других сословий: католиков, мусульман и иудеев, а в ряде регионов действовал шариат (Туркестан), доминировал протестантизм (Финляндия), традиционные обычаи (Кавказ), степное уложение (Калмыкия). Существовали ограничения на занятия ряда должностей поляками, черта оседлости у евреев, были ограничения для мусульман. Например, признавались незаконными «брачные сопряжения лиц православного исповедания с нехристианами», тем не менее, в целом Россия шла именно «евразийским», а не «римским» путем. «Окно» в Европу, которое прорубил Петр I, позволило заимствовать передовую технологию и технику, но не повлияло на характер государства. Французская культура повлияла на русскую интеллигенцию, но не затронула этнические процессы. Масштабы страны и отсутствие средств коммуникации содействовали сохранению клановых отношений и «автономии» отдельных территорий. Общая обстановка в стране влияла и на формирование татар как нации.

В эпоху капитализма, казалось бы, кочевая жизнь для татар осталась как далекое воспоминание, ведь в составе Российской империи татары занимались чем угодно, но только не кочевничеством. Тем не менее, целый ряд ключевых элементов номадической цивилизации сохранился: (1) открытость культуры; (2) дисперсное расселение; (3) отсутствие крепостни-

ческой привязки к земле; (4) сохранение торговли как элемента хозяйства; (5) передача знаний через навыки, традиции, обычаи. Номадическое мышление, доставшееся от прошлых веков, воспроизводило татарскую жизнь без помощи государства и социальных институтов. У татар не было единственной столицы, не было абсолютного духовного авторитета, централизованной системы образования, т.е. всего того, что и отличает европейские страны.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари [17] ввели понятие «ризомы» (с французского корневище) как образа противоположного дереву. Европейские народы вырастали как деревья, у которых есть мощные корни, крепкий ствол и раскидистая крона. Иное дело номады, они подобны корневищу, из которого вырастают кусты. Кочевники рассеяны в пространстве. Их вид не столь торжественен, как у леса, но и нет той уязвимости, которая присуща деревьям. Если дереву подрубить корни, то крона засыхает, но такое невозможно проделать с ризомой. Изрезанное на куски «корневище» дает всходы из каждой оставшейся доли. Это легко продемонстрировать на примере татар, которых пытались ассимилировать, расселить, выслать, запрещали пользоваться родным языком, изучать собственную историю, учреждать свою систему образования, в местах компактного расселения административные границы проводили так, чтобы они нигде не могли составить большинство. Все это продолжалось столетиями, но татары воспроизводили свою жизнь там, где оказывались даже в небольшом количестве. Их образ жизни ориентирован на выживание без помощи государства и национальных структур. Там, где татары оказывались волею судеб, они заново воссоздавали привычное сообщество, налаживали хозяйство, и, окрепнув, собирались на сабантуй. Этот весенний праздник как бы символизировал возрождение татарской жизни.

Вертикальные структуры, столь характерные для европейских наций, для татар не играли решающей роли. Это принципиально иной этногенез и применительно к татарам европейская теория нациостроительства не применима, нужна специальная теория трансформации татарского народа в современную нацию. Трудно сказать, насколько можно будет обобщать ее для других случаев, но татары, скорее всего, не исключение.

Поскольку нация как явление появляется вместе с Великой Французской революцией, то все теоретические изыскания в этой сфере, так или иначе привязаны к понятиям, порожденным европейской традицией формирования нации-государства. Французская революция в качестве источника власти провозгласила народ как сообщество граждан без этнических и культурных различий. Население превратилось в новое сообщество, которое нуждалось в единых для всех законах и идеологии (религии), в общем языке, принимаемых всеми обычаях, праздниках, героях, выдающихся личностях, символах. Легитимность династии перестала быть убедительной. Правители новой эры могут сохранить «новую» легитимность только путем объединения интересов народа и государства. Этот путь и

приводит к образованию нации. Важную роль играет формирование языка нации, как государственного языка, который будет понятен большинству. Э. Хобсбаум считал, что «в основе языкового национализма лежат отнюдь не проблемы культуры или средств общения, но вопросы власти и статуса, политики и идеологии» [18]. Политика молодой буржуазии требовала создания системы образования и просвещения, которая отличалась от предыдущей традиции.

В средневековье идеология господствующего класса обеспечивалась по вертикали церковь-семья. Существовал еще и политический аппарат, включающий в себя парламент, политические группировки, различные общины, товарищества, вольные города, ассоциации, гильдии купцов, банкиров, развивались издательское дело, распространялась информация. В Новое время буржуазия вынужденно выдавала свои интересы за народные, вела борьбу с клерикалами, ратовала за просвещение и участвовала в создании нового типа школы. Суть идеологического господства приобрела новую конфигурацию: школа-семья. Школа по существу заменила старый религиозный идеологический аппарат.

Буржуазия сделала систему образования демократичной, в школы начали принимать детей разных социальных слоев. На всех ступенях системы образования каждый получал важные знания и навыки для выполнения собственной функции в обществе. К индивидам стали обращаться как к свободным гражданам, чтобы они добровольно подчинялись приказаниям и признавали существующее положение вещей.

Население Европы было чрезвычайно смешанным, и выстроить однородные нации-государства было крайне трудно. Дж.Ст. Милль в книге «Размышления о представительном правлении» пишет: «Говоря вообще, необходимым условием для свободных учреждений должно быть совпадение государственных границ, насколько это возможно, с границами национальности» [19, с.224]. Фактически множество факторов, и, прежде всего, смешанность населения могут усложнять реализацию такого принципа. Дж.Ст. Милль предусмотрел сложности управления в новом свободном государстве. Выход он видел в создании федераций, учитывающих этническое разнообразие, при условии принятия такого сценария политическими силами.

При анализе эволюционного развития российских этнических общностей конца XIX – начала XX вв. мы сталкиваемся с явлениями, плохо укладывающимися в рамки европейских определений нации, национализма и патриотизма. Эрнест Геллнер понятие «национализм» (в нейтральном смысле), применяет «для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» [20]. О таком совпадении можно говорить в случае с Францией, хотя в последние десятилетия произошли существенные изменения. В других странах о нем говорить сложно, а для татар этот тезис и вовсе не подходит.

У большинства народов (исключение составляют евреи, армяне и некоторые другие) существует основной массив компактного расселения этноса, имеющий административное или государственное оформление. У татар же нет четкой территории этнического ядра. В Татарстане живет всего лишь 25% от всех татар. Татар невозможно привязать только к историческим территориям Казанского, Сибирского, Астраханского, Крымского, Касимовского ханств, Ногайской Орды, поскольку бывшая Российская империя и есть территория Золотой Орды. Порой Татарстан называют исторической родиной татар, что неверно, ибо предполагает, что вне республики живет диаспора. На самом деле татары складывались как народ по всей территории страны.

Вопрос этнических границ для татар не имеет территориальной привязки. Эта граница ментальная, а не пространственная. Следовательно, важнейший принцип нациообразования – совпадение государственной и этнической территорий – в случае с татарами не работает. Это вовсе не значит, что татары неполноценная нация. По всем показателям культуры, социальной структуры, профессиональной квалификации татар можно отнести к развитым современным нациям, но к этому татары шли не европейским, а евразийским путем, т.е. не благодаря вертикальным структурам, а с помощью горизонтальных связей. Государство в лице Российской империи не было заинтересовано в укреплении татар, скорее наоборот, пыталось ограничить его определенными рамками. Особенно рьяно вел себя Петр Столыпин, которого пугали именно процессы модернизации в татарской среде, обучение русскому языку, светским дисциплинам в медресе, масштабное просвещение и в целом реформация ислама.

Процесс создания системы образования после буржуазных революций в Европе стал важнейшим этапом в образовании наций, у татар же светское образование было запрещено, а потому знания получались в медресе, которые реформировались вместе с исламом, а содержались предпринимателями. В Европе основным инициатором формирования новой системы образования и просвещения выступало государство, у татар в принципе не существовало единого органа в сфере образования. Реформирование системы образования шло под воздействием духовных авторитетов, т.е. под влиянием таких просветителей как Марджани, Галимджан Баруди, Фаизханов, Гаспринский. Этот процесс будет непонятен, если не отметить еще два существенных фактора: инициативу татарских предпринимателей и систему передачи знаний через традиционные навыки.

Несмотря на общую отсталость, бесправность татарского сообщества, шовинистическую политику российского правительства, татары на капиталистический путь развития вступили практически одновременно с русскими и по многим позициям конкурировали с ними. При отсутствии университетов, системы светского образования, захламленности медресе схоластическими учениями, знания от старшего к следующему поколению могли передаваться во многом через навыки. Открытость культуры, вынужденный по-

иск работы в городах, что выразилось в массовом отходничестве, значительная доля торговли в татарской экономике – все это позволяло народу быстро воспринимать новые веяния. К этому добавилось требование предпринимателей, финансировавших медресе, обучать шакирдов практическим знаниям: географии, математике, бухгалтерии, русскому и даже французскому языкам. Для этого открывались новометодные медресе, которые к началу XX в. стали доминировать. Татары активно воспринимали русскую культуру, открывали газеты и журналы, создали сеть издательств и типографий. После революции 1905 г. появилась политическая партия и мусульманская фракция в Государственной Думе, возглавляемая Садри Максуди. Иначе говоря, татары прошли весь путь нациообразования, но без государства и даже вопреки воле государства, без каких-либо централизованных структур в сфере образования и просвещения. Несмотря на коренные различия в национальном становлении, татар с европейскими народами сближает борьба со средневековой схоластикой, клерикальными авторитетами, понимание необходимости реформы религии.

Татарский мир представлял собой архипелаг островов национальной жизни, в котором отдельные поселения выполняли функции *polis*'ов. Это общины, но не аналоги русских общин, ибо у татар не было крепостничества. Община, писал Исмаил Гаспринский, «представляет из себя миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, нуждающейся в высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно-нравственный, ее источник – Коран. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий мусульманин может быть ходжой (учитель), муэзином, имамом, ахунном и пр., при согласии общины. Мусульманство, не имея и не признавая сословий, не имеет кастового духовенства» [15, б.70]. Общинная автономия позволяла религии быть независимой от государственных претензий или касты священнослужителей, а потому идеология определялась не столько религиозными авторитетами, сколько потребностью народа в физическом и духовном выживании. Религия служила народу, но не наоборот, а потому татары легко адаптировались к экономическим и социальным условиям, несмотря на различные предписания шариата (например, запрета на банковский процент).

Исходя из европейского представления о становлении нации, следовало бы начать с источника суверенитета той власти, которая проводит преобразования в обществе. Но у татар не было ни общенациональных, ни местных органов. Процессы трансформации татарского этноса шли без участия государства и вопреки политике царского правительства. Неудача столыпинской политики объяснялась не только непониманием его ведомством реальных политических процессов, но и тем, что у татар не было

того компактного ядра, единой столицы, уничтожение которой могло бы одним ударом ослабить всю нацию. Татарский мир представлял собой множество центров воспроизводства национальной жизни. «Суверенитет» народа не был выражен в структурных формах, он представлял собой множество общин. Лишнее население уходило из общины и находило себе новое место для нового воспроизводства таких же структур и это не регулировалось никаким органом. «Суверенитет» народа не был выражен вертикалью власти, он оказался горизонталью, мозаикой «автономий», где смешались экономические, политические, духовные возможности народа. Единство народа поддерживалось через торговлю и общие ценности.

Сами общины, как основа «сотового», мозаичного «суверенитета», не были одного типа, различия зависели от традиций ведения хозяйства, организации общинной жизни, наличия авторитетных лидеров. Где-то занимались исключительно сельским хозяйством, в другой общине сильнее выражалось отходничество, где-то торговали, а некоторые занимались производством кустарной, а впоследствии промышленной продукции.

Общины исчезли вместе с советской властью, превратившей татар в «крепостных» в виде системы колхозов, что не могло не сказаться на состоянии деревни. Сегодня на организацию села сильное влияние оказывает не только город и общая урбанизация, но также европейские образцы организации агропромышленного комплекса. Однако относительная устойчивость татарских деревень и уход русского сельского населения в города указывает на различия этнического плана. Если раньше можно было сослаться на недостаточную урбанизированность татарского населения, то сегодня этот фактор никак не объясняет выживаемость татарских деревень, некоторые из которых сохраняются вопреки всем экономическим законам. Здесь нужно вспомнить ментальность татар, склонную к жизни *polis'*ами.

Сегодня времена изменились, но осталась тяга к созданию землячества, что наводит на мысль о существенной роли в татарском сознании фактора происхождения. Это не родоплеменная память, которая давно исчезла из татарского сознания и не территориальная привязка, а происхождение из своего исторического *polis'*а. Можно было бы назвать это привязанностью к своей деревне, или местности (Заказанье, Закамье и т.д.), но бывает, что деревня делится и часть переезжает на новое место, порой, в другой регион России, затем вновь делится и снова переезжает. При этом вся цепочка деревень воспринимается как «родовое гнездо». Татар интересуют не только и не столько этнографические различия (кряшены, мишари, астраханские, касимовские, сибирские и т.д. татары), сколько место появления предков. Иначе говоря, нет прямой территориальной привязки, хотя формально землячества в Татарстане существуют по административному принципу.

Конечно, советский период в жизни страны привнес большие изменения в национальную жизнь. Татары в ходе революции 1917 г., несмотря

на значительную политическую активность, не стремились к созданию этнического государства. Республика с титульным наименованием возникла не столько по требованию народа, сколько в силу общей европеизированной модели федерализации. Татары же требовали или культурной автономии, или же были готовы создать «Штат Идель-Урал» без титульной нации.

Учреждение в 1920 г. Татарской автономии, как формы государственности, казалось бы, вводило этнические процессы в русло европейских традиций, но, во-первых, в республике оказалась только часть татар, а потому сохранялся вопрос общенациональной жизни без административного оформления; во-вторых, объявление суверенитета Татарстана в 1990 г. произошло не по этническому признаку, а от имени всех граждан республики. Следуя европейской логике, надо бы теперь народ Татарстана называть новой нацией, однако процессы идут в ином ключе. Региональная идентичность не ослабляет этническую и религиозную идентичности ни у татар, ни у русских, ни у других народов, компактно проживающих в республике.

За последние десятилетия возник ряд общетатарских структур, они, как правило, расположены в Казани, которая признается общей столицей всех татар, но ни Всемирный Конгресс татар (ВКТ), ни другие организации не стали централизующей властной структурой. ВКТ скорее выступает как модератор, нежели управляющий орган.

Сегодня во всем мире понятие нации-государства меняет свое содержание. Тождественность нации и государства для многих стран сохраняет свое значение. «Но эта тождественность не сохранится навечно, – утверждает Джон Лукач, – возможно, она не продержится и на протяжении двадцать первого века. Нации – националистические или нет – выдержат долго, но что произойдет с государством?» [22, с.205]. Содержание государства меняется быстро, достаточно взглянуть на эволюцию понятия суверенитета, который в последние десятилетия расщепляется между различными субъектами: международными организациями, государственными структурами и регионами [23]. На этом фоне по-другому ведет себя и этничность, но без признаков ослабления. Лукач продолжает: «Суверенитет государства и суверенитет народа – это разные вещи. Первый быстро и бурно расцвел в начале эпохи модерна, сейчас он испытывает очевидный и осязаемый спад. Второй за последние сто или сто пятьдесят лет дорос до всеобщего признания. Он был и остается не подлежащим сомнению» [22, с.207]. Содержание термина «нация» отходит от своего изначального смысла. Совпадение политических и этнических единиц становится исключением. Э. Хобсбаум полагает, что современные политические образования сложно описать в терминах «нация» и «национализм». Он предсказывает закат нации-государства, а вместе с ним и национализма как явления, но важно то, что этничность сохраняется, несмотря на интенсивную глобализацию.

Европа проделала сложный путь от множества средневековых народов к нациям-государствам. Много позже под влиянием капиталистических отношений у татар также происходили процессы трансформации в современную нацию, но по принципиально иному сценарию. Нужно признать естественным как европейский путь образования наций с помощью вертикальных структур, когда вновь возникшие республики провозглашают всех граждан равными, так и альтернативный «номадический», «горизонтальный» путь нациообразования без централизованных структур под влиянием духовных авторитетов, готовых на реформирование общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. Т. 1. 382 с.
2. Лызлов А.И. Скифская история. М.: Наука, 1990. 519 с.
3. Генетики и антропологи о скифах. Генофонд РФ. URL: http://xn--c1ассбааfa1c.xn--p1ai/?page_id=23726 (дата обращения: 18.02.2019).
4. Русакова Е. Ученые построили «генетическую карту» евразийских степных народов. URL: <https://nplus1.ru/news/2018/05/09/genetic-map> (дата обращения: 18.02.2019).
5. Кузнецова Т. Краткая история скифов // Скифы: Хрестоматия / Сост., введение, коммент. Т.М. Кузнецовой. М., 1992. 304 с.
6. Гасанов З. Царские скифы: этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов / Заур Гасанов. New York: Liberty, 2002. 486 с.
7. Рожанский И.Л. Литовские татары. ДНК-родословные и их корни в степях Евразии // Исторический формат. 2016. No. 4. С. 89–105.
8. Вестник Академии ДНК-генеалогии. Volume 10. No. 5. May 2017.
9. История татар. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. 552 с.
10. Кляшторный С.Г. Гунны на Востоке // История татар с древнейших времен. В 7 томах. Т. 1. Казань, 2002. 592 с.
11. Самолин У. Hsiung-ну, Hun, Turk. Central Asiatic Journal. 3.2 (1957). С. 149–150.
12. Гумилёв Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена М.: Изд-во Восточной литературы. 1960. 292 с.
13. Максуди Садри Арсал. Тюркская история и право. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. 412 с.
14. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс: Центр экол. просвещения и развития «Экопрос», 1993. 576 с.
15. Бурбанк Джейн, Купер Фредерик. Траектории империи // Ab Imperio, 2007. № 4. С. 47–85.
16. «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX в.): сб. материалов / сост. И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 132 с.

17. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
18. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. Алетейя, 2017. 308 с.
19. Милль Д.С. Размышления о представительном правлении. СПб.: Яковлев, 1863. 360 с.
20. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
21. Гаспринский И. Тарихи-документаль жьыентык. Казан, 2006.
22. Лукач Д. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна; пер. с англ. Н.М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2003. 253 с.
23. Хакимов Р.С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 216 с.

Сведения об авторе: Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

FORMATION OF THE TATAR NATION AND DEVELOPMENT STAGES OF ITS NATIONHOOD (BEFORE 1917)

R.S. Khakimov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
history@tataroved.ru*

The article focuses on the process of the Tatar people's transformation into the contemporary nation. The analysis of the development of Tatars' nationhood has been conducted on a staged basis, beginning from uncovering Tatars' relation to the Scythian culture and ending with the evaluation of the tatar ethnoscituation in the Russian Empire period. The author examines two ways of nation formation – European “vertical” and “nomad” “horizontal.” The path of the Tatar nation formation lies within the framework of the “nomadic” civilization development. Based on the results of genetic, archeological and linguistic research, both the common ground and particular features have been revealed in the establishment of ethnic borders and development of the Tatar culture.

Keywords: history, Tatars, Turkic world, nation formation.

For citation: Khakimov R.S. Formation of the Tatar nation and development stages of its nationhood (before 1917). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 46–64. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.46-64

REFERENCES

1. Bichurin N. Ya. *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena* [Collection of data about peoples that lived in Central Asia in ancient times]. Vol. I. Moscow-Leningrad, 1950. 382 p. (In Russian)
2. Lyzlov A.I. *Skifskaya istoriya* [The Scythian History]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 519 p. (In Russian)
3. *Genetiki i antropologi o skifakh. Genofond RF* [Geneticists and anthropologists about the Scythians. RF Genetic Pool]. Available at: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--plai/?page_id=23726 (accessed 18.02.2019). (In Russian)
4. Rusakova Ye. Ucheniye postroili “geneticheskuyu kartu” yevraziyskikh narodov [Researchers have built a “genetic map” of Eurasian peoples]. Available at: <https://nplus1.ru/news/2018/05/09/genetic-map>. (accessed 18.02.2019). (In Russian)
5. Kuznetsova T. *Kratkaya istoriya skifov* [A short history of the Scythians] *Skify: Khrestomatiya* [The Scythians: Chrestomathy] / compiled, introduction, comments by T.M. Kuznetsova. Moscow, 1992. 304 p. (In Russian)
6. Gasanov Z. *Tsarskiye skify: etnoyazykovaya identifikatsiya “tsarskikh skifov” i drevnikh oguzov* [The Tzar Scythians: Ethno-linguistic identification of “tzar Scythians” and ancient Oghuzes]. New York, Liberty Publ., 2002. 486 p. (In Russian)
7. Rozhanskiy I.L. Litovskiy tatar. DNK-rodosloviye I ikh korni v stepyakh Yevrazii [Lithuanian Tatars. DNA-genealogical trees and their roots in Eurasian steppes]. *Istoricheskiy Format – Historical Format*, 2016, no. 4, pp. 89–105. (In Russian)
8. *Vestnik akademii DNK-genealogii* [The Bulletin of the DNA-Genealogy Academy]. Volume 10. No. 5. May 2017.
9. *Istoriya Tatar. Tom I. Narody stepnoy Yevrazii v drevnosti* [History of the Tatars. Volume 1. Peoples of steppe Eurasia in ancient times]. Kazan, 2002. 552 p. (In Russian)
10. Klyashtorniy S.G. *Gunny na vostokey* [The Huns in the east]. *Istoriya tatar s drevneishikh vremyon* [History of the Tatars from the earliest times]. In 7 volumes. Vol.1 Kazan, 2002. 592 p. (In Russian)
11. Samolin U. Hsiung-nu, Hun, Turk. *Central Asiatic Journal*. 3.2 (1957). pp. 149–150. (In English)
12. Gumilyov L.N. *Khunnu. Sredinnaya Aziya v drevniye vremena* [Xiongnu. Central Asia in ancient times]. Moscow, Oriental Literature Publ. House, 1960. 292 p. (In Russian)
13. Maksudi Sadri Arsal. *Tyurkskaya istoriya i pravo* [The Turkic History and Law]. Kazan, Fen Publ., 2002. 412 p. (In Russian)
14. Gumilyov L.N. *Ritmy Yevrazii: epokhi I tsivilizatsii* [Rhythms of Evrasia: epochs and civilizations]. Moscow, Progress Publ.: Pangeya Firm: the Center for Ecological Enlightenment and Development “Ekopros”, Центр, 1993. 576 p. (In Russian)
15. Burbank Dzhein, Kuper Frederik *Trayektorii imperii* [Paths of the Empire]. *Ab Imperio*, no.4, 2007. pp. 47–85. (In Russian)
16. “Natsional’niy vopros” v Rossii v zerkale obscheimperskogo zakonodatel’sтва (XIX – nachalo XX v.): sb.materialov / sost. I.K. Zagidullin [“National question” in Russia in the mirror of the All-Empire legislation: Collection of materials /

Compiled by I.K. Zagidullin]. Kazan, Institute of History of TAS Publ., 2009. 132 p. (In Russian)

17. Delyoz Zh., Gvattari F., *Anti-Edip Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg, U-Fakrotia Publ., 2007. 672 p. (In Russian) – Transl. of *Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe* / Gilles Deleuze, Felix Guattari.

18. Khobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2017. 308 p. (In Russian)

19. Mill' D.S. *Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii* [Deliberations on representative government]. St. Petersburg, Yakovlev Publ., 1863. 360 p. (In Russian)

20. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Progress Publ, 1991. 320 p. (In Russian)

21. Gasprinsky I. *Tarikhi-dokumental' jiyentyk* [A historical-documental collection]. Kazan, 2006. (In Tatar)

22. Lukach D. *Konets dvatsatogo veka i konets epokhi moderna* [The end of the 20th century and the end of the art nouveau period]. transl. by N.M. Seliverstov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 253 p. (In Russian)

23. Khakimov R.S. *Rossiyskiy federalizm v usloviyakh sotsialno-politicheskoy transformatsii* [Russian federalism in the conditions of social-political transformation]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2009. 216 p. (In Russian)

About the author: Rafael S. Khakimov is a Doctor of Science (History), Director of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-President of TAS, Academician of TAS (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); history@tataroved.ru